

В Тюзе шел спектакль «Два выстрела» по рассказам В. Шукшина. Рядом со мной в зале сидели два подростка, лет по пятнадцать. Они явно настроились на иронический, этакий снисходительный лад, изображая из себя людей искусшенных. Но постепенно с ними произошло маленькое чудо преобразования: прекратились юмористические реплики, лица словно открылись спектаклю...

Возможно и потому, что один из ге-

все, что нужно, но катастрофически чувствуешь, что зал словно уходит из-под контроля, будто меж зрителями и нами, актерами, образуется глухая стена. Прибавьте к этому и то, что свои отрицательные эмоции наш, тюзовский зритель, выражает очень непосредственно, бурно, и когда все-таки доводишь спектакль до конца, то чувство подавленности — неимоверное. Невольно начинаешь искать, так сказать, душевспасительные причины: дескать, про-

порю сам чувствуешь себя едва ли не их ровесником. Где, кроме юношеского театра, получишь такую возможность озоровать по-ребячи, осознавая педагогическую мудрость этого озорства?

Один из наших последних спектаклей «С любовью не шутят» по пьесе Кальдерона, где я играю сбитого с толку стихией комических обстоятельств доне Педро, отца двух дочерей на выданье, адресован зрителю более взрослому. И тем не менее атмосфера подчеркнута

«ЛЮБЛЮ ТЕАТР ЗА ЖИВОСТЬ ЖИЗНИ»

Званный гость

роев его, старик Никитич, вел себя, никак не сообразуя со «здравой» житейской логикой. На его заимке, в глухоманной тайге появился бежавший преступник. Но Никитич не обнаружил ни испуга, ни страха, не изменил своей спокойной мудрости. В том, с кем так неожиданно свел его случай, Никитич видит прежде всего человека.

Человек этот нелепо и жестоко изуродовал свою судьбу и в самооправдание себе придумал злую, ненавистническую «философию». Ее Никитич отвергает всем опытом своей долгой жизни. Но в споре, который обязательно должен был возникнуть, Никитич не поучает, не проповедует. Да и не может он проповедовать: Никитич живет так, как мыслит, а мыслит так, как живет. Он беседует, невольно обнаруживая и задевая в душе ненавистника скрытую, неистребимую потребность в человечности, доброте и понимании.

Мысль о неустрашимости человечности, неустрашимости высших нравственных ценностей, которые нельзя, невозможно «переступить», раскрывается в спектакле весело и наглядно. И прежде всего потому, что образ Никитича воссоздан цельно и одновременно многозначно.

Никитича играет Гавриил Моисеевич Бойченко, заслуженный артист республики, наш сегодняшний гость.

Ему, одному из ветеранов алма-атинского ТюЗа, исполняется в эти дни пятьдесят лет.

Роль Никитича — одна из моих самых любимых. Материал, который мне приходится осваивать, настолько богат и труден, так психологически насыщен, что буквально заставляет меня всякий раз подходить к роли как бы заново: столь сложный характер разгадать не так-то просто.

Тем более, что мне, актеру, надо, чтобы зритель не только полюбил Никитича, но и извлек из его жизненной позиции серьезный нравственный урок. А добиться этого я могу лишь при условии, что не буду делать скидок на то, что передо мной — юный зритель. Напротив, образ мы должны постигать вместе, сообщая, «на равных». Зритель мое актерское доверие к нему должен чувствовать непременно — фальш детьми чувствуется особенно обостренно.

— Но всегда ли, на каждом ли спектакле удается достигнуть взаимопонимания со зрительным залом?

— К сожалению, не всегда. Бывает так, что и сам играешь вроде бы не хуже, чем обычно, и партнеры делают

сто, зритель подобрался на диво неподготовленный, трудный. Но от истины не уйдешь: не удалось возлечь ребят в атмосферу сценического действия, заразить их своей игрой...

А ведь каждый наш спектакль должен быть для ребят открытием театра: и для тех, кто пришел в него впервые, и для тех, кто считает себя зрителем поднаторевшим. Истинно выражение: «Учитель, воспитай ученика!» Для нас же задачу эту я сформулировал бы следующим образом: «Театр, воспитай зрителя». Это можем и должны делать только мы.

— У Вас огромный опыт работы в театрах юного зрителя. Как Вы начинали свою сценическую деятельность? Сразу ли созрело желание начинать свою актерскую биографию именно в ТюЗе?

— Ну, нет... Все складывалось не так просто. В 1947 году, закончив студию, я начал работать в Ставропольском драматическом театре. Играл небольшие роли, очень часто — мальчишек. Мои внешние данные очень располагали к тому режиссеров. А во мне зрел внутренний протест. Как же! В студийных спектаклях я создавал — и как мне казалось, блестяще! — образы классического репертуара, а тут эпизоды, мальчишки... Самомнение, неумение трезво оценивать свои возможности — качества, к сожалению, нередкие для начинающих актеров — заставили меня сделать этакий эффектный жест непризнанного гения: я оставил театр. Более того, внутренне ожесточившись, решил вообще изменить профессию: стать геологом. Но театр от себя просто так не отпускает. И помывшись, душевно истерзавшись, я в конце концов вернулся на подмошку. Меня приняли в Иркутский ТюЗ. С тех пор театру юного зрителя я верен неизменно, хотя приглашали и во «взрослые», академические театры.

Свои привязанности объяснить не так просто: доводам рассудка они не всегда подчиняются. Возможно, все связано с чертой моего характера: люблю озоровать, потеху. Это очень хорошее слово. Актеры всегда немного потешники. Особенность их профессии — игра, и тут они с детьми полные единомышленники. Поэтому очень люблю играть в спектаклях для самых маленьких зрителей: их восприятие сценических событий настолько безусловно, неподдельно искренно, шаловливо, что

театральности, пронизывающая весь спектакль, мне кажется не просто следствием режиссерского решения. Она истекает из особенностей нашего театра, зритель которого истины, произнесенные с улыбкой, воспринимает доверительней и охотней...

— И все-таки Ваш большой жизненный, актерский опыт не вызывает ли необходимой потребности в более искусственной зрительской аудитории?

— В ТюЗ ходят не только дети. Ведь грань между «детской» и «взрослой» пьесой, «детским» или «взрослым» спектаклем не настолько уж жесткая. Вот ведь с классической драматургией, литературой произошла любопытная вещь. К примеру, Шекспир «Ромео и Джульетта» или Пушкин «Капитанскую дочку» адресовали не детскому зрителю и читателю. И тем не менее эти произведения естественно вошли в круг детского чтения. Подлинное искусство способно преодолевать возрастные барьеры.

Или иной, совсем близкий пример. Пьесы одного из значительнейших современных драматургов Виктора Розова (кстати, почти во всех из них мне привелось играть) часто дебютировали на сценах ТюЗов. Но обращаясь к молодежной тематике, драматург решил проблемы настолько общезначимые, что «привязывать» их только к интересам юношества невозможно.

С другой стороны, тридцать лет работы в театре дают мне право утверждать, что ныне тюзовский зритель необычайно вырос интеллектуально, духовно... Мы часто проводим обсуждения спектаклей и, честное слово, иногда замечания, оценки ребят оказываются глубже и тоньше, чем взрослых...

ТюЗ требует к себе самоотверженной любви актера. Но и дает он актеру чрезвычайно много. Уверен, что каждый выпускник театрального училища должен проходить «школу» ТюЗа. Ведь сейчас необходимы актеры, обладающие широчайшим творческим диапазоном, умеющие делать на сцене практически все. И ТюЗ, в силу своей природы, дает возможность испробовать себя в различных сценических условиях...

В своих суждениях, быть может, я излишне категоричен, но они диктуются моей безусловной приверженностью к ТюЗу — в том ищущем себе оправдание...

Беседу провел
Н. СКАЛОН.